

Ольха дрожащая, унылая
На фоне неба синевы
Влечёт к себе с неясной силою –
Необъяснимую, увы.

И ты, Эвтерпою не брошенный,
На тропке вычурной, кривой
Стоишь один над этой скошенной
И непорочною травой.

Стоишь один, и все упорнее
Зовёт сквозь годы и века
Тугая, искренняя, горняя
Живая сила языка.

Ты этой силой сокровенною
Был ошарашен как никто,
И над разъятою вселенною
Стоишь без шапки, без пальто.

Под злой, насупленную тучею
Стоишь один – как на духу.
И веришь ты – та сила жгучая,
Непостижимая, могучая,
Ведёт к высокому стиху.

Крис Кельвин в «Солярисе» смотрит в окно –
Большое и круглое. Долгого взора
Нельзя оторвать, так и это кино
Смотрю я, и глаз не свожу с монитора.

Тарковские шорохи нежной травы,
Прибрежной, что резалась так и кололась,
О совести нам не расскажут, увы.
О совести нашей твердит Банионис –
Последний осколок советской Литвы.

В тугое пространство кидает слова,
По станции шастает в штаниках узких.
Давно независимой стала Литва
От шведов и немцев, поляков и русских.

Партийный сатрап, диссидент, уркаган
Разрушить решили Империю Страх,
Чтоб в крошке Литве захудалый орган
Пленял фа-минорной прелюдией Баха.

Привет, демократия! Совесть, проснись!
А Хари придет – то одна, то другая,
И в женской истерике выдохнет: «Крис!»
Заткнись, не вопи, ты фантом, дорогая.

Во времена Веспасиана
И Леонида Ильича
Я не боялся ни обмана,
Ни гепатита, ни ВИЧа.

Весёлый, ловкий, загорелый –
И я торчал в очередях,
А телевизор черно-белый –
Невзрачный, пыльный – то и дело
Трещал о съездах и вождах.

Хранила школьная тетрадка
Плоды незрелого труда,
И пахли приторно и сладко
Эфиром смоченная ватка
И на газонах резеда.

В частных снах – приятных, ватных
Опять ведёт меня судьба
Под сноп колосьев благодатных
Того, советского, герба.

Там замерзали в мае лужи,
Когда черемуха цвела.
...Я не о том, что стало хуже,
Там просто молодость была.

* * *

В стране нувориша и хама
Не стоит пенять на судьбу.
Свершается пошлая драма,
И спится от феназепам
Как мёртвой царевне в гробу.

Мечтаешь о призрачном чуде,
О сказочной дивной поре
И ждешь, что царевну разбудит
Какой-нибудь принц Дезире.

Какой-нибудь яркий повеса,
Воспитанник граций и муз,
Владелец дворца, «мерседеса» –
Австриец, бельгиец, француз.

Такой удивительно скучный,
Что твой алиментщик в бегах,
Прохвост, Хлестаков злополучный,
Изысканный Кот в Сапогах.

Буди же ее, мафиозо!
Смотри, как вздымается грудь!
И вытри ей девичьи слёзы,
Чтоб вновь, отойдя от наркоза,
Поверить в особенный путь.

* * *

Девяностые годы лихие...
Как не помнить – шальные, бухие
В битых «ауди» мчались братки.
Нулевые мои, пулевые,
Огнестрельные и ножевые,
Спрячь, эпоха, свои коготки!

Как бессовестны эти разборки
На глазах у родимой беды!
Как циничны brutальные орки!
Все свидетели прячутся в норки,
Под землей прорывают ходы...

Снег играет на скрипочке крысам.
Неужели удел твой таков –
Колобком золотушным и лысым
Убегать от бабуль и дедков?

Ты бредешь за живую водою
С узколобой своею бедою
Говорить о вселенской беде
И о русской загубленной силе.
Достоевский в холодной могиле
Пишет книгу о Божьем суде.

Без сомнений и помыслов лишних
Магнитола сменил дивидишник.
Битых «ауди» нынче уж нет.
И сквозь выстрелов сиплые звуки
Лишь «тойоты» летят да «сузуки»
И срываются в темный кювет.

* * *

Холодная весна охватит чувством новым.
В окошко поглядишь – там, около крыльца
Дуб с кленом обнялись, как Герцен с Огаревым,
В желании своём бороться до конца.

Как много было чувств! Как пламенели взоры!
Мерещились в ночи великие дела.
Как были высоки им Воробьевы горы!
О, как в закатный час сверкали купола!

Но тайну стерегла блестящая природа.
А юноши ещё витали в облаках
И жизнь свою отдать хотели для народа,
В то время как народ толкался в кабаках.

Как было на душе томительно и сладко!
Вот ураган пройдёт, и будет благодать.
Казалось им – они творцы миропорядка.
Прошло так много лет, но русскую загадку
Никто из нас не смог, как ребус, разгадать.

А «Колокол» гудит над Лондоном тревожно,
Из «Искры» костерок рождается в жару.
Как страшно быть в плену идей пустых и ложных –
Уж лучше трепетать листвою на ветру!

* * *

Клеврет полнозвучных рифмованных строк,
С восторгом катаясь по острому насту,
Ты отрок скорее, чем мудрый пророк,
Ты шудра, пролезший в брахманскую касту,
Бунтарь, получивший пожизненный срок.

Ребенок, влюбленный в доверчивый гул
Листвы тополей у районной ментовки,
Ты школьник, отметивший первый прогул
Стаканом шипящей своей газировки.

Простой, без сиропа, к которой привык,
Холодной, как голос директора школы.
Еще не попробовал детский язык
И сладкий, и приторный вкус пепси-колы.

Простой газировки, в копейку ценой,
С пшеничным гербом на облупленной решке.
А боли и беды прошли стороной,
Ты мчишься куда-то в ребяческой спешке.

И нет ни малейшей прорехи в судьбе,
А прожитый день – словно сахарный пряник,
И скоро волшебное слово тебе
На ухо шепнет шестикрылый посланник.

* * *

Потоки хрустального света.
Ковры среднерусских полей.
Ветлужская старица. Лето.
Полёт оловянных шмелей.

Угрюмые, тёмные ёлки.
Прохлада в притихшем леске.
И мокрые эти иголки
На крупном и влажном песке.

Тревожные эти закаты.
Озона тяжёлая взвесь.
А если был счастлив когда-то,
То только, наверное, здесь,

Где зреют июньские грозы
И возле притихшей воды
Висят жестяные стрекозы
На ниточках тонкой слюды.